

НАУКОВІ СТАТТІ

Адамський В.Р.

ДОЛЯ КЛИМЕНТА ГАЙОВОГО У КОНТЕКСТІ БІЛЬШОВИЦЬКИХ РЕПРЕСІЙ НАПРИКІНЦІ 1920-х років

У науковій студії аналізується кримінальне провадження проти директора Проскурівського педагогічного технікуму Климента Гайового, що зберігається в Державному архіві Хмельницької області. Він був звинувачений у «контрреволюційній діяльності», що виражалася в участі в революційній діяльності за доби Директорії УНР та симпатіях до Симона Петлюри. У результаті розгляду справи К. Гайовому на цей раз вдалося уникнути ув'язнення, але він був звільнений з посади. У 1998 році за висновком прокурора Хмельницької області К. Гайовий був реабілітований.

Ключові слова: педагогічний технікум, директор, репресії, допит, слідчий, прокурор.

Наприкінці 1920-х років більшовицька партія реанімувала військово-комуністичні методи управління, що базувались в своїй основі на засадах примусу та насилля. Здолавши до цього часу «спротив буржуазних класів», комуністи прийняли за дрібнобуржуазні кола, основними репрезентантами яких в умовах радянської України, за визначенням більшовицьких ідеологів, виступали представники українського індивідуального селянства та української інтелігенції. Останнім приділялася надмірна увага, а особливо тим особистостям, котрі в будь-якій формі брали участь у національно-визвольних змаганнях 1917–1921 рр.

У травні 1925 р. директором Проскурівського педагогічного технікуму призначили К. Г. Гайового, котрий застав у навчальному закладі досить непросту ситуацію. Частково вона пояснювалася частою зміною адміністрації інституції, що негативно впливало на організацію навчально-виховного процесу. Так, лише впродовж останнього навчального року посаду директора посідали Кондратенко та Ремізов. Обов'язки завідуючого навчальною частиною почергово виконували Дума, Ремізов, Ващенко. В окремі періоди ситуація взагалі доходила до абсурду, коли обов'язки керуючого навчальним закладом, завідуючого навчальною частиною, політичного комісара, інспектора профосвіти довелось виконувати одній особі – Ремізову. За визнанням самих викладачів, це негативно відбивалося на адміністративній роботі і вносило у роботу певну хаотичність [1].

К. Гайовому в досить короткий термін вдалося налагодити роботу колективу. Сконцентровано про розвиток інституції директор виклав у матеріалі, що був надрукований в ювілейному числі «Освіти Проскурівщини», присвячений 10-річчю «Жовтневої революції» [2].

Однак під час проведення «операції по лінії української контрреволюційної громадськості» у серпні 1929 р., К. Гайового було арештовано «за прихований факт служби в старій і петлюрівській арміях» [3]. Які саме факти лягли в основу арешту сьогодні сказати важко. Офіційно перші покази проти нього 22 та 23 серпня 1929 р. дали відповідно працівник контори ПЧ-10 В. К. Рабодзей та рахівник ТЧ-3 О. Г. Осудоренко. Але їхнім свідченням вірити важко, оскільки написані вони начебто під копірку. Зокрема, перший стверджував, що знав К. Гайового з 1917 р. На той час він навчався у вищій початковій школі в Сарнах. Після революції до міста приїхав Гайовий. З його настрою та виправки він припускав, що той міг бути офіцером. Після приходу до Сарн війська С. Петлюри, Гайовий залишив викладацьку діяльність і «пішов служити петлюрівцям». Зокрема, В. Рабодзей показав, що він посів посаду коменданта містечка Степань. Крім того, К. Гайовий «загітував до петлюрівської армії десь 12 учнів». Серед останніх були названі прізвища Володимира Дубенка, Василя Цищука, Олексія Ковтуна та ін. Щодо діяльності К. Гайового, то вона полягала в наступному: «Він був ярим самостійником, агітував серед учнів» [4].

У 1917-1918 рр. О. Г. Осудоренко навчався в Сарнівській залізничній школі. Він також засвідчив, що коли до Сарн прийшли війська Петлюри, то К. Гайовий пішов з ними. «Більше я його не бачив, – констатував рахівник. – Чи приймав Гайовий участь у петлюрівському русі я не помічав, і не звертав на це уваги» [5].

Саме ці свідчення лягли в основу ухвалення 24 серпня 1929 р. Уповноваженим I відділу Прокурівського окружного відділу ДПУ Полугаром постанови про проведення обшуку та арешту громадян П. І. Байди, Ф. Г. Садківського, О. М. Страшевського, М. П. Данчевського та К. Г. Гайового у зв'язку із звинуваченням перших чотирьох в тому, що вони, будучи співробітниками Прокурівського педагогічного технікуму, були заміченими в систематичному проведенні антирадянської агітації, що передбачено ст. 54 п. 10 КК УСРР, а у відношенні К. Г. Гайового – «із звинувачення його в тому, що він в період петлюрівщини брав активну участь у боротьбі проти робітничого класу, що передбачено ст. 54 п. 13 КК УСРР». Цю постанову затвердив начальник Окружного відділу ДПУ Камінський [6].

Обшук в помешканні К. Гайового за адресою вул. Старобульварна 1-7 відбувся наступного дня. Його проводив співробітник Прокурівського відділу ДПУ Маркелов у присутності міліціонера А. Крамара та жителя міста А. І. Гловацької. Нічого особливого Маркелов не знайшов (забрав лише різні листи), але це не завадило йому доставити К. Гайового до Окружного відділу ДПУ [7].

25 серпня 1929 р. відбувся перший допит К. Гайового. Його проводив Уповноважений I відділу Окрвідділу ДПУ Полугар. Нижче ми подаємо протокол цього допиту:

«1929 г. Августа м-ца «25» дня. Уполномоченный Прокуроровского Отд. ГПУ УССР Полугар допросил ниженазванного гр. Гаевого в качестве обвиняемого, который показал:

1. Имя, отчество, фамилия: Гаевой Клементий Гаврилович.

2. Возраст, год рожд.: род. в 1891 г.

3. Место рождения и приписки: с. Юрковщина, Ярининского р-на, Волынского окр.

4. Социальное происхождение: сын крестьянина.

5. Сословная принадл. до революции: крестьянин, имуществен. положение до револ. и в наст. момент: неимущий.

6. Гражданство: УССР.

7. Образование: незаконченное высшее.

8. Семейное положение: женат.

9. Отношение к воинской повинности: на учете ОВК.

10. Профессия: учитель.

11. Место службы и занимаемая должность: Директор Педтехникума.

12. Сведения о судимости и нахождении под следствием: в 1921 г. за хранение оружия по суду оправдан.

13. Партийная принадлежность: -

14. Состоит ли в профсоюзе: член союза «Робос».

15. Точный адрес: Прокуроров, здание педтехникума.

16. Служба в антис. армиях и учрежд., и организациях (добровольно или по мобилизации): -

Будучи предупрежденным о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал: происхожу из семьи бедного крестьянина. Сам я ходил на заработки к помещику. Лет 8-9 начал ходить в школу грамоты и в 1905-6 поступил в Новоград-Волыньское городское училище. По бедности, я был освобожден от платы за правоучение, а еду мне приносили из дому, или я туда сам ходил, ибо до села было 8 верст. В 1908 г. я закончил курс обучения и летом помогал землемеру переносить инструменты. Месяца два-три работал писцом в волостном правлении. В конце 1908 г. крестьяне соседнего села Гурки пригласили меня организовать школу. Здесь я проработал года два и перешел в с. Молодько учителем на оклад в 10 р. месяц. В 1911 г. поступил в Дедеркальскую Учительскую семинарию и в 1914 году, окончив семинарию, осенью был взят в армию. Служил в 48-м Одесском полку писарем. В 1915 г. был послан в школу прапорщиков, но не был принят, т. к. плохо знал военное дело и весной 1916 г., проезжая в Минске, Москве и Казани, вернулся в полк, который в то время стоял возле г. Хотина. Через 1½ – 2 месяца, я был отправлен опять в школу прапорщиков в г. Киев. Закончил я эту школу в конце 1916 г. и получил назначение в

25 запасный полк г. Бахмут. Здесь меня застала революция в должности полуротного командира. В конце лета 1917 года меня, в числе нескольких других прапорщиков отправили на фронт, но туда не поехал, а пошел как рядовой в 228 Запасный полк в г. Екатеринославе. В этом же полку в начале 1918 г. демобилизовался как народный учитель. Сейчас же после демобилизации я поехал опять в Бахмут и получил назначение учителем в с. Александровку. На каникулы поехал в Киев, где жил мой брат Леонид (ныне учительствующий в г. Проскурове) и одновременно начал слушать лекции в техническом институте. В таковой я записался в 1917 г., но лекции не слушал, ввиду пребывания на военной службе, а затем занятости как учитель. В июле 1918 г. через один-два дня после убийства немецкого главнокомандующего Эйхгорна был арестован, но через сутки освобожден. Под осень начались разговоры, что гетманцы будут устраивать мобилизацию; я тогда пошел в отдел просвещения Юго-Западных дорог и получил назначение в Сарненское железно-дорожное училище. Помню, что назначение получил 5 ноября 1918 г. Власти часто менялись, но я до весны 1919 года оставался в школе. К этому времени петлюровцы производили мобилизацию, но я на таковую не явился, за что был арестован, но в это время захватил власть отаман Оскилко, арестовал петлюровское правительство в г. Ровно и здесь обстоятельства сложились так, что мне пришлось по мобилизации пойти в армию Оскилко, но прослужил не более трех недель в м. Степань комендантом, причем это местечко было на границе с Польшей. Вскоре ст. Сарны заняли поляки и я со ст. Сарны бежал к жене в г. Кременец, где она учительствовала. В Кременце была тогда Советская власть и через своего товарища Мосейчука, который заведывал Наробразом, я устроился на временную работу в Наробразе. Спустя непродолжительное время, в июле 1919 г., Кременец был занят петлюровско-польскими повстанцами. Это произошло внезапно, советские власти не успели уйти из города и у меня некоторое время скрывались Мосейчук и Гранатырь – б. в Проскурове зам. зав. Окргзмотдела. Этот период пребывания петлюровцев и поляков, я нигде не работал и жил на средства жены. В середине сентября 1919 г. начались ре-

прессии со стороны поляков и я бежал в гор. Проскуров и с тех пор живу и работаю в гор. Проскурове. До 1924 г. работал в Гречанской железно-дорожной школе, а с 1925 г. в Проскуровском педтехникуме. В 1923 г. вступил кандидатом в члены партии. Во время чистки 1929 г. я был исключен из рядов партии за то, что в своей автобиографии не указал, что был в старой армии прапорщиком. Другие моменты против меня не выдвигались. Это решение комиссии по чистке партии я обжаловал в ЦКК (через Окружную Контрольную Комиссию), но ответа еще нет. Кроме вышеуказанных моментов, я ни в каких политических организациях не состоял. Могу сказать, что до 1920 г. был политически безграмотным человеком и я только стремился к получению высшего образования. За время работы в педтехникуме был произведен ряд обследований, вопрос о нем ставился в партийном комитете, причем констатировалось, что ко времени принятия заведывания педтехникумом, там были различные группировки среди лекторов и студентов и по указаниям партийного комитета я часть преподавателей сменил, т. к. они (преподаватели) воспитывали студенческую массу в шовинистическо-петлюровском духе. К таким преподавателям я отношу в первую очередь Садковского Федора Гавриловича, Архангельского. Весной 1926 г. был случай, когда Садковский Федор на подготовительном курсе, во время лекции украинского языка, выразился: «Винниченко с такой шантрапой не захотел бы говорить», о чем я писал в Наркомпрос и заявил секретарю ячейки. Показание записано правильно, мне прочитано, в чем и расписываюсь.

Гаевой.

Допросил Полугар» [8].

На підставі цього допиту 26 серпня 1929 р. Полугаром було ухвалено дві постанови, які затвердив начальник Окружного відділу ДПУ Камінський. Згідно першої Полугар прийняв до власного провадження справу і розпочав попереднє слідство по ознакам злочинів, передбачених ст. 54 п. 13 КК УСРР. Злочинна діяльність К. Гайового проявилася в тому, що він «в період петлюрівщини був помічений в активній боротьбі проти робітничого класу» [9].

Другою постановою Полугар обрав запобіжний захід К. Гайовому. З огляду на те, що

залишення його на свободі, могло негативно відобразитися на розслідуванні справи, уповноважений І відділу ДПУ вирішив тримати Гайового під охороною [10].

26 серпня 1929 р. був допитаний ще один свідок по справі. Діловод ДН-5 М. Ф. Слободянюк практично повторив ті ж факти, які на попередньому етапі озвучили його колеги по навчанню в Сарнівській вищій початковій школі [11].

А за три дні, 29 серпня 1929 р., К. Гайовий подав заяву на ім'я начальника Окружного відділу ДПУ Камінського. У ній він стверджував, що його звинувачення «в активній участі з Петлюрою проти робітничого класу» потребує довести безглуздість такого, а будучи арештованим, йому зробити це надзвичайно важко. Гайовий припускав, що його праця біля десяти років на користь радянської влади, дає підставу хоч трішки йому довіряти. З огляду на це, заявник просив змінити йому запобіжний захід на підписку про невиїзд, аби він мав можливість зібрати необхідні матеріали і свідків [12].

31 серпня 1929 р. відбувся черговий допит К. Гайового. Основні його тези були наступними: «Будучи предупрежденним о содержании ст. 89 УК УССР, 61 и 161 УПК УССР по существу дела показал: в Сарновскую железно-дорожную школу я попал 5 ноября 1918 г. Это было в период гетманщины. Гетманщину я считал ясно выраженной буржуазной властью. Вскоре был переворот и власть перешла в руки петлюровцев. К таковым я относился совершенно безразлично, хотя и считал их более «левыми», чем гетманцы. В тоже время не разбирался в сущности петлюровщины и их программной установке по целому ряду вопросов. «Левыми» я их считал потому, что они выступили против гетманцев, где были помещики и одно время вместе с петлюровцами, против гетмана, выступал повстанческий отряд некоего Бондарчука (из м. Домбровица) – большевистской окраски.

Петлюровцы пытались меня мобилизовать дважды, но первый раз, в начале 1919 г., мне удалось увильнуть. Второй раз, в конце апреля 1919 г., меня мобилизовали в армию Оскилко (петлюровская армия), о которой я говорил в предыдущем показании и был комендантом

местечка Степань (на границе с Польшей). В мои обязанности входило выполнение пограничной караульной службы, причем в моем распоряжении находилось 5-6 солдат. Начальство мое находилось в г. Ровно. В этот период вместе со мной учительствовал некто Барченко (кажется, его имя Даниил), но в армию его не взяли, как не служившего ранее на военной службе. Года два тому назад, я Барченко встречал в Киеве, где он к тому времени закончил мединститут и хотел остаться для работы в Киеве. Другой учитель, по имени и отчеству Александр Логвинович (фамилию его забыл) ушел в декабре 1918 г. или январе 1919 года добровольно в петлюровскую армию, как артиллерийский офицер. Где он – мне совершенно неизвестно. Когда я был уже комендантом в м. Степань, ко мне явилось несколько учеников Сарновской жел.-дор. школы, для зачисления их добровольцами в петлюровскую армию. Младших я отправил домой, а старших, человека три, остались при мне, почти все время ходили без дела и, может быть, некоторые ходили в караул, хотя в таковой я их не посылал. Категорически заявляю, что в петлюровской армии я служил по мобилизации, а не добровольно. Возможно, что об этом помнит бывший тогда машинист железной дороги ст. Сарны-Семенов, который в 1922-23 г. работал на ст. Гречаны и в 1928 или 1929 году переведен на другую линию или в Шепетовку или Коростень. Службу в армии закончил в мае 1919 г. и в первых числах октября 1919 г. переехал в г. Проскуров (пришел пешком) и получил назначение в Гречанскую железно-дорожную школу на должность временно исполняющего должность заведующего. Власть была петлюровская, но кто руководил таковой в условиях города Проскурова и ст. Гречаны – я не знал и не знаю.

Касаясь лекторов и студенческий состав педтехникума должен сказать, что за время моего заведывания педтехникумом был ряд случаев исключения студентов за идеологическую невыдержанность, а одного исключили за шовинистические проявления (это некто Гупало, исключен в 1927 г.). Подробные списки есть в делах педтехникума. Касаясь же преподавателей, следует отметить зав. научной частью Бай-

ду Павла Ивановича. У него сильно сказывался «селянский» уклон и зимой 1928-29 года он однажды мне сказал, что крестьян обижают, что они не получают за свои продукты того, что следует. Я начал доказывать правильность линии партии и тогда Байда заявил: «А давно ли Вы вышли из крестьян?» Классовой линии в его работе не чувствуется, он подходит к вопросу только академически. Весной 1928 года перед окончанием учебного года любил в коридоре собирать студенчество и распевать с ними песни, правда, из разрешенного репертуара, но все же с сильным националистическим уклоном. Например, это бывали песни исторически-бытовые, времен казачества и т. д. Среди студенчества пользовался и пользуется авторитетом.

Страшевский Александр Николаевич – учитель пения, держит себя замкнуто, но, главным образом, разучивает старые бытовые украинские и русские песни. Нужно сказать, что, вообще, вопрос о репертуаре и в центре недостаточно разрешен.

Лектор украинского языка и литературы Данчевский Николай Прокофьевич не совсем соответствует своему назначению и студенты, поэтому, его недолюбливают. Ныне возбуждено ходатайство перед Наркомпросом о замене Данчевского другим, более соответствующим, преподавателем. В тоже время, за ним и за Страшевским, моментов шовинизма не наблюдались. В начале весны 1929 г. было обследование из партийного комитета состояния работы педтехникума и констатировали, что в основном работа педтехникума ведется удовлетворительно.

Вступая на работу, а также вступая в Компартию, я о своей службе в старой армии и у Петлюры – не упоминал. Показание записано правильно, мне прочитано, в чем и расписываюсь. Добавляю, что Байде я запретил собирать студентов и петь песни. Поступая на работу, от меня никаких анкет не требовали.

Гаевой.

Допросил Полугар» [13].

Наступні допити К. Гайового, проведені Полугаром 6, 16 та 30 вересня 1929 р. нічого особливо нового для з'ясування суті справи не принесли [14]. Так само, як не надали якіс-

но нових фактів допит Ф. Г. Садківського [15] чи заява столяра депо при станції Коростень П. Протопопова [16]. Виняток із представлених документів становила довідка, завізована селянином Романом Гранатиром. У ній стверджувалося: «В 1919 році в місті Кремінці на Волині при Рад. Владі, я був членом Воєнно-Революційного Комітету й займав посаду завідувача Відділу Управителя. В кінці липня того-ж року місто було захоплене Польсько-Петлюрівською бандою. Я ще з одним теж членом Воєн.-Р. К-ту т. Мосійчуком в перших три дні переховувався на квартирі вчителя т. Гаєвого К. Г., який, розвідавши, де розтавлені дозорці, дістав для нас зброю «револьвер Нагана» й вивів нас по його знайомій стежці через Кремінецькі гори та Садки з міста, чим і допоміг нам втікати з міста та не потрапити в руки Польсько-Петлюрівських банд.

Вищезазначене свідчу своїм підписом» [17].

За час перебування в слідчому ізоляторі здоров'я К. Гайового дуже погіршилося: рентген легких показав потребу негайного лікування [18]. Не маючи достатніх доказів участі К. Гайового у «боротьбі проти робітничого класу», начальник Окружного відділу ДПУ Каміньський 10 жовтня 1929 р. доручив відібрати у нього розширені дані про його життєвий шлях. К. Гайовий добре розумів значення цього документа для його подальшої долі. Тому у ньому він зафіксував наступне: «Согласно Вашему поручению от 10/X подаю о себе следующие сведения. Вышел я из очень бедной, забитой крестьянской семьи; 3 дес. волынской плохой земли не могли прокормить семью в 10-11 душ, поэтому с детства пришлось ходить на заработки к кулакам и помещикам (пасти скот, прорывать свеклу, жать и т. д.). Ржаного хлеба в семье почти не было – ячменный и картофель и то в большинстве заработанные. Живя в такой нужде, все таки книженка из рук не выходила. Братья крестьяне только после Октября получили земли и теперь начали жить лучше и то удовлетворительно живет только наименьший, который пошел в приемы в другое хозяйство. В 13 лет я начал посещать городскую школу в 10 верстах. Можно представить себе, какова была эта наука – почти ежедневно ходить 10 верст ободраным, голодным, холодным. Но

все-таки в 1908 году я закончил эту школу [...] за куском хлеба. Работал несколько месяцев у одного землемера – носил ему цепь и теодолит в поле. Осенью крестьяне с. Гурок предложили идти к ним заниматься с детьми, где я и организовал школу в крестьянской хате с платой мне по 15-20 коп. с ученика в месяц, что давало 3-4 руб. Так я работал в школах грамоты до 3-х лет, пока попы не выжили. Пробыл несколько месяцев переписчиком в Пищевской волости с жалованьем в 3 руб. Все это меня гнало подалее от этих попов и им подобных. В 1911 г. поступаю в Учительскую Семинарию, которую из-за материальных недостатков с трудом заканчиваю, хотя и давалась некоторая помощь со стороны семинарии. С осени 1914 г. призывают на военную службу, отправляют на фронт в Карпаты в 48 пех. Одесский полк. Правда, здесь я был только ротным и полковым писарем, позиции не видел. В конце 1915 г. посылают в школу прапорщиков в г. Скоцань, но за отсутствием военной подготовки не принимают и отправляют назад в часть. Отсюда летом 1916 г. опять посылают уже в Киев во 2-ю школу прапорщиков, которую я и закончил под 1916 г.; потом получил назначение в 25 пех зап. б-н, где был взводным и под конец полуротн. командиром. В сентябре 1917 г. отправляют на фронт, но туда я не поехал, в армии началась разруха и я, «розжаловав» сам себя, через Екатеринославский госпиталь в 228 зап. полк, где тоже вел канцелярскую работу. Под конец сентября приехал в полк адъютант Гайдамацкого куреня Живюрко и предложил мне совмещать ту же работу и у них (приказную часть), на что за плату я согласился. Помню хорошо, что в гайдамаки принимались кавалеристы, курень был кавалерийский. После разгромления куреня я был арестован Губ. ЧК, допрошен т.т. Валявко и Авериним и был оправдан и отпущен, гайдамаки же, особенно офицеры, были наказаны. Там же в 228 полку я пробыл еще до начала февраля 1918 г., откуда был демобилизован через Бахмутского воинск. нач. 13/II, как народный учитель. Сейчас же после демобилизации Бахмутским Гор. Советом был назначен учителем в с. Александровку, где и учительствовал [...], потом поехал учиться в Киев. Факт поступления мо-

его в Киевский Технический Институт, а не в Киевский Университет, говорит о том, что националистического сознания у меня не было. У меня была одна цель – учиться и закончить высшую школу, чего, к сожалению, из-за имеющихся недостатков я все-таки не добился. Во время убийства Эйхгорна в Киеве я был, как студент Интернационального Института, арестован, но на второй же день освобожден немцами. Под осень в Киеве начали ходить слухи о предстоящей мобилизации, отсрочки мне не дали, правда ее не дали никому из нашего Института, не считая его государственным, это заставило меня подумать о дальнейшем. 5 ноября 1918 г. в школьном отделе Ю.-З. Ж. Д. мне дали назначение учителя в Сарненское ж.-д. училище, куда я немедленно и выбыл и приступил к работе. Преподавал в I и II классе математику. О том, занимался ли я политикой тогда, может засвидетельствовать такой факт: на самой станции идет бой большевиков с петлюровцами, а я с учит. Барченко играли у него в карты; зимой один учитель (артиллерист) Александр Логвинович (фамилию забыл) идет добровольцем в петлюровскую армию – мы его за браним. Все это должны подтвердить – Барченко Иван Данил., учился в 1928 г. в Киевском Мединституте, Бахар – зав. Бобринской ж.-д. шк. (партиец) и Михай – учительница одной из школ Винницы (все были в Сарнах).

Там же на ст. Сарны при мобилизации петлюровцами за уклонение от мобилизации был ими арестован и только решительное наступление большевиков спасло меня, но потом, когда производил мобилизацию Оскилко, уже увильнуть невозможно было, и я с хроническим ревматизмом должен был пойти служить, было это во второй половине апреля 1919 г. После мобилизации я болтался в канцелярии воинского начальника целую неделю, не знали, что со мною сделать, наконец дали 5-6 человек и отправили в м. Степань возле самого польского фронта, создав т. называемую комендатуру; при чем Степань скорее село, чем местечко, не больше десяти лавок и то почти пустующих. Заданий нам, кроме наблюдения за польским фронтом, других не давалось, за всем остальным смотрела милиция, которая, надо сказать, там недурно была организована,

правда бесчинств слишком много. За мою ж бездеятельность начальник милиции жаловался в штаб Оскилко и хвастался, что буду предан живому суду. Все время моей 3-х недельной службы там я систематически через 3-4 дня ездил в г. Ровно лечиться, как я выглядел тогда может Вам доказать фотографическая карточка, которая теперь есть у меня дома. Послали меня в Степань не потому, что мне доверяли, а потому, что не было меня где деть. При чем скажу, что Оскилковщина была чем-то непонятным – арестовало в г. Ровно правительство Петлюры, в армии Оскилко масса большевистского войска, даже были слухи, что Оскилко объединился с большевиками, что творилось – разобрать нельзя было. Повторяю, что в Сарнах я был только младшим учителем – первый год работв в высшем нач. училище и даже учеников 3 и 4 класса хорошо не знал. Приходом этих 3-х учеников я был возмущен и принял их только тогда, когда они привезли назначение, и то матери одного из них (Полищука В.), которую я немного знал, предложил забрать его и учить дальше, но, по-видимому, она на это не обратила внимания. Все ученики были из 4 кл. выпускного, – было это в конце апреля и я не знаю – пришли они по окончании школы или нет. Из Степани сначала я думал бежать на ст. Сарны, но слухи в дороге, что Сарны заняты поляками, погнали меня в другую сторону, в Кременец к жене, которая там тогда учительствовала. После этого я узнал, что ксендз Степанский с польским солдатом приезжал в Сарнинскую школу разыскивать меня; думаю, и это подтверждает Бахир и Барченко. В Кременце была Соввласть. Через т. Мосейчука (зав. наробразом) я был знаком с некоторыми красноармейцами и командирами, даже командир Тарашанцев был у меня в квартире. Хотел я тогда учительствовать в городе, но места свободного не было, а было лето, назначений еще не производилось и потому я временно работал у Мосейчука в наробразе. Так прошло около 2-х мес. В июле месяце Петлюровские банды занимают г. Кременец. Два члена Ревкома, не успев убежать, ночью прибегают ко мне и я их спасаю около недели, карауля у квартиры по дням и ночам. Это подтверждает справка т. Гранатирия, которая сей-

час при моем деле у т. Полугаря. Польско-петлюровские банды начали хозяйничать в городе по своему – аресты, интернирование и т. д. Это заставило и меня пойти по следам Мосейчука и Гранатирия – бежать. Сговорившись с одним учеником Чернецким (теперь он где-то в Виннице [...]). Мы решили бежать по направлению Проскурова, потому что здесь его коллега по учит. семинарии Бельский заведывал наробразом. Так в первой половине октября 1919 г. мы добрались пешком до г. Проскурова. Жили некоторое время у т. Бельского (он учительств. в Шеп. окр.), даже на его хлебах, потому что у нас решительно ничего не было. Вдруг узнал, что на ст. Гречаны в ж.-д. школе есть вакантное место учителя и заведывающего школой, прошусь, и меня Шк. отдел назначает учителем с исполнением временно обяз. заведывающего. Это было 25/X 1919 г. Зимой ст. Гречаны занимают деникинцы и меня увольняют со школы, как обольшевиченный элемент. Сделано это по доносу учительницы Роговой Д., у которой на квартире помещался деникинский штаб и учителя Багинского Александра (стар. офицер). Как я работал в Гречанах до прихода большевиков, занимался-ли политикой – могут сказать учителя – Черный П. (с. Жучковцы), Рушковская Вильгельмина – дочь Рушковского (тогда училась у меня в школе, а отец был эвакуирован), инспектор ОНО в Проскурове т. Гарасюк и многие Гречанцы. Тогда и в Гречанах, и в городе были Просвиты, но ни в одной я не был и не состоял членом. Правда, летом 20 года, когда станцию заняли поляки с недобитками петлюровщины, было поползновение петлюровца Харциева мобилизовать меня для работы в шк. отделе, не существовавшем тогда, даже было прислано распоряжение о явке, но я всякими способами увиливал от этого, зная к чему ведет петлюровская авантюра. Харциев по профессии не был учитель, но при деникинцах в нач. 20 года через родит. Комитет Греч. школы был назначен преподавателем нем. языка. Со второй половины 20 года, увидев своими глазами видов вместе, я начинаю убеждаться, что дальше быть вне политики, вне классовой борьбы – нельзя. А прочитав еще письмо Ленина к рабочим, крестьянам и всем трудящимся Украины, я окончательно

стаю на путь большевизма и начинаю вооружаться политическими знаниями. Гречанское депо 20-21 г., революционно воспитанные рабочие гречанцы становятся первой школой моего идеологического перевоспитания. В этом котле я к 22 году выварился и стал понимать суть классовой борьбы, сделался большевиком. Весь процесс моего перевоспитания могут осветить мои учителя-большевики т. Галицкий – член партии с 1905 г., т. Чекирда – чл. п. с 1918 г., Рушковский и др., которые в конце 1922 г. и предложили мне вступить в Компартию. С этого времени я перешел с преподавания в школе математики на обществоведение, которое и вел до последнего времени при административных обязанностях. В Гречанах, кроме школьной работы, я работал и в Учпрофсоюз (культотдел, соцвоспитание), руководил политшколами, кружками Марксизма и Ленинизма, был женорганизатором, много раз ходил с рабочими по шефству в села, много делал докладов на различные политические темы и особенно антирелигиозные. Насколько выдержано все это я проводил, как создавали мы в Гречанах Советскую школу, пролетарскую культуру, могут сказать старые Гречанские большевики и особенно т. Рушковский. Вступая в партию, я писал еще в 21 г., что всему учительству, зараженному петлюровщиной-национализмом, пора осознать свои ошибки, понять суть классовой борьбы и стать к честной работе пролетариата. Там же я написал, как смотрю на Петлюру и петлюровское течение, характеризуя его как контрреволюционное. Ярким доказательством того, что я по идеологии не был петлюровцем является и то, что до 23 г. в Гречанах, Проскурове и их окрестностях существовали подпольные петлюровские организации, где я не только не был, но и не знал о их существовании, узнав только после расстрела участников организаций или их раскрытия. Значит, все они смотрели на меня не как на петлюровца, а отсюда ясно – как на большевика.

Так работать, как я работал Советской власти может только искренно преданный делу коммунизма. Уже в 1923 г. меня по парт и профлинии выделяют для политпроверки железнодорожного учительства и учительства Проскур. района. Эта Комиссия под председательством

Завагитпропом т. Савельева вычистила была и Садковского, который какими-то судьбами потом стал работать на Педкурсах.

Работа в Педтехникуме. Постановлением бюро ОПК от 30/III-25 г. меня было выдвинуто на завед. Педкурсами (теп. Педтехникум). Зная, что работа в трудшколе далеко проще работы в Педтехникуме, с которой я совсем не был знаком, и просил тогда ОПК не посылать меня на такую ответственную работу, но это не помогло и меня Техникум принял, правда после ревизии губернии. Техникум был в ужасном состоянии: как лектура, так и студенчество было разделено на две враждующие группы, отсутствие у б. руководителей классовой линии, склока, шовинизм и т. д. Все это мне под руководством АПО пришлось направлять. Просмотрена была Окомом ЛКСМ комсомольская ячейка, сняты с работы лектора – половина – петлюровцы (Архангельский, Трифонов, Садкивский, Ващенко-Захарченко), впоследствии перенесена партиячейка в Техникум – только таким способом Техникум удалось оздоровить, что констатировали не раз АПО ОПК и Нарком Прос. (см. резолюции АПО с НКП с 1925 до 29 г. по моим докладам и обследованием). Кто не знает работы в Техникуме, тому она кажется простой, но углубившись в нее – сразу увидишь чрезвычайно сложную, ответственную работу. Тут тебе и Правление, и Методбюро, и три цикловых комиссии, и Стипендиальная Комиссия, и хозкомиссия.

3 интерната, огород, 14 дес. земли и т. д. Потом студорганизации, парт и комсомольские ячейки – везде одному человеку нужно было быть, а тут еще и канцелярия. Я работал днями и ночами, ко всему старался присмотреться, и о всяких даже мелочных проявлениях сообщал секретарю партиячейки или комсомольской. Сколько я своих личных денег выдал для обследования студентов – этого никто не знает, ибо бюджет на это и копейки не отпускал. Но это не все, а общественная моя работа: прикрепленный к бюро коллектива ЛКСМ, руководитель безбожника, член президиума о-ва культшефство, член презид. Окр. Методкома 25-27 г., член Методкома АПО, Председатель секции ОНО Горсовета 3-й год, преподаватель совпартшколы, отдельные доклады, хлебозаго-

товка в 28 году и т. д. Может-ли один человек со всем этим справиться!! Очень трудно. А разве один раз я заявлял о перегрузке и т. Шмерлиной и на общем собрании ячейки и даже т. Сильверстову. Может быть я из-за такой перегрузки чего-либо в Техникуме и не досмотрел. Но продукция Техникума – наши выпускники, как будто бы говорит, что Техникум шел по правильному пути. Что мы здесь имеем? Наши выпускники работают несколько человек рай и окринспекторами, заведывают семилетками, т. Булович работает у Вас в ГПУ и т. д. Из 200 с лишним выпускников на работе единицы не оправдали себя. Вообще отзывы из районов и ОНО о наших выпускниках не плохие. Даже в городе и в 1 и в 3 школе ведут общественное образование наши выпускники, тогда как по положению Техникум должен готовить учителей только для младшего центра трудшколы. Вот подробная моя биография и работа. Почти все это я могу подтвердить документ. данными, которые есть у меня дома, особенно 18-29 гг., копии в Окр. КК. Приписываемые мне связи с какими-то Киверчуками и им подобными – отъявленная ложь. Когда в Проскурове был погром, я был в Сарнах.

Я прошу Вас, т. Каминский, возьмите эти документы, просмотрите их, если нужно, проверьте и Вы убедитесь, что я не тот, каким меня оклеветали они, вернее наши классовые враги – Роговы, Братки и т. п.

Свою ошибку – сокрытия прошлого я целиком признаю, но в этом прошлом вреда пролетариату я никакого не сделал.

Отставали Проскуров. Педтехникум в своей работе от др.? Смею утверждать, что нет. Это могут подтвердить и студенты – т. Бочуля – член партии, т. Пирогов – член партии и др., которые бывали на Всеукраинских съездах и окружных в г. Каменце, посещали Педвузы, видели их работу; слышала, кажется в Мариуполе, и т. Шмерлина отзывы о нашем Педтехникуме положительные; словом, плохого мало о нас говорят. Кто первым на Подолии и Проскуровщине Педтехникум вызвал на соцсоревнование Каменецкий Пединститут. А чья была эта инициатива? Я прошу только спросить т.т. [...] и Бойко.

Прошу не смешивать меня с бандитом Гаевым, который был в 1921 г. в Казатине расстрелян большевиками (читал об этом в газете т. Рушковский и я).

Прошу у Вас т. Каминский одного, судите меня за прошлое, которое я по глупости утаил, но не забывайте и того, что около десяти лет я преданно служил рабочему классу.

Гаевой» [19].

Зібрані матеріали по справі та особисте пояснення К. Гайового мали наслідком ухвалення 14 жовтня 1929 р. Полугаром постанови, якою тримання його під вартою було замінено підпискою про невийзд [20]. Цього ж дня Гайового випустили з тим, що він проживатиме за вказаною адресою [21].

За місяць у цій справі була поставлена крапка. 14 листопада 1929 р. була ухвалена наступна постанова: «ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Проскуров. 1929 года, ноября 14-го дня. Уполномоченный I-го Отд. Проскуровского Окротдела ГПУ – ПОЛУГАР, рассмотрев следственное дело за № 244 по обв. гр-на ГАЕВОГО Климентия Гавриловича, род. В 1891 г. в селе Юрковщина, прож. в гор. Проскурове, сына крестьянина, неимущего, гражданства УССР, украинца, с незаконченным высшим образованием, женатого, по профессии учителя, к моменту ареста директора Педтехникума, исключенного из компартии в период чистки, члена союза Робос, в том, что в период петлюровщины он был замечен в активной борьбе против рабочего класса, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 54 п. 13 УК УССР,

НАШЕЛ:

В ходе следствия выяснилось, что обвиняемый ГАЕВОЙ был в старой армии прапорщиком, затем в 1917 году работал в Штабе 3-го Гайдамацкого куреня, а в 1919 году был при Петлюре комендантом м. Степань. Когда он был призван в петлюровскую армию, то вместе с ним туда же пошло несколько учеников школы, где учительствовал тогда ГАЕВОЙ. Все эти моменты ГАЕВОЙ при поступлении на работу, а также, вступая в партию, скрыл.

Принимая во внимание, что хотя в деяниях ГАЕВОГО содержатся признаки преступления, предусмотренного уголовным кодексом,

но учитывая, что дальнейшее производство дела нецелесообразно, так как ввиду изменения условий деяние явно утратило общественную опасность, а потому, руководствуясь ст. 5 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

Настоящее следствие № 244 по обв. ГАЕВОВОГО Климентия Гавриловича по ст. 54/13 УК УССР направит Прокурорскому Округу на прекращение.

ГАЕВОЙ К. Г. освобожден под подписку о невыезде из гор. Проскурова.

Вещдоков по делу нет.

Уполномоченный I-го Отд. /ПОЛУГАР/

«УТВЕРЖДАЮ»: Нач. Округа ГПУ /КАМИНСКИЙ/» [22].

За два дни свое рішення по справі виніс Проскурівський окружний прокурор: «**ПОСТАНОВА**

в справі ч. 244 по звинув.

гр. ГАСОВОГО Кліментія Гавриловича

в злочинстві, передбаченому арт.

54-13 КК

1929 року листопада 16-го дня, Прокурор Проскурівської Округи,

Розглянувши зазначену справу, що її надіслано з Округу ДПУ УСРР в порядку п. 10 розділу IV постанови ВУЦВКу з 4/XI-25 р. «Про

надзвичайні Сесії Найвищого Суду та окружних судів», знайшов, що переведеним попереднім слідством не зібрано достатніх даних для підтвердження пред'явленого гр. ГАСОВОМУ Кліментію Гавриловичу звинувачення, внаслідок чого немає підстав до віддання його до суду.

З приводу цього, керуючися п. 11 розділу IV вищезгаданої постанови ВУЦВКу від 4/XI-25 року та 5 арт. КПК

ПОСТАНОВИВ:

Цю справу переведенням припинити.

Окр. Прокурор [підпис]» [23].

Одночасно з цим був спрямований лист до Округу відділу ДПУ про припинення кримінального переслідування К. Г. Гайового [24].

У контексті нашого дослідження слід наголосити, що в процесі слідства 2 вересня 1929 р. К. Гайовий був звільнений з посади директора Проскурівського педагогічного технікуму. Після цього він переїхав до м. Мурманська, де працював на посаді інструктора міського відділу освіти. А 27 квітня 1947 р. знову був заарештований та звинувачений у агітації проти радянського ладу. В результаті засуджений до 10 років виправних таборів. На заслання К. Гайовий помер [25].

У лютому 1998 р. К. Г. Гайовий був реабілітований [26].

Список використаних джерел та літератури:

1. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф.166. Оп. 5. Спр. 304. Арк. 212 зв.
2. Гайовий К. «Проскурівський Педтехнікум» на 10-ті роковини Жовтня. *Освіта Проскурівщини* (Бюлетень-місячник Проскурівської Округної ІНО, Метод. Комісії та Округового Бюро Комуністичного Дитячого Руху). Проскурів. 1927. № 10. Жовтень. С. 3–7.
3. Державний архів Хмельницької області (далі: ДАХМО). Ф. Р-6193. Оп. 12. Спр. П-15295. Арк. 36.
4. Там само. Арк. 11–11 зв.
5. Там само. Арк. 12–12 зв.
6. Там само. Арк. 1.
7. Там само. Арк. 3–3 зв.
8. Там само. Арк. 6–8 зв.
9. Там само. Арк. 5.
10. Там само. Арк. 10.
11. Там само. Арк. 13–13 зв.
12. Там само. Арк. 14.
13. Там само. Арк. 15–17 зв.
14. Там само. Арк. 22–23 зв., 24–24 зв., 28–28 зв.
15. Там само. Арк. 18.
16. Там само. Арк. 27–27 зв.
17. Там само. Арк. 25–25 зв.

18. Там само. Арк. 38.
 19. Там само. Арк. 31–34 зв.
 20. Там само. Арк. 29.
 21. Там само. Арк. 30.
 22. Там само. Арк. 39.
 23. Там само. Арк. 41.
 24. Там само. Арк. 40.
 25. Берковський В. До історії Проскурівського педагогічного технікуму (1921–1926 рр.). *Матеріали III науково-краєзнавчої конференції «Місто Хмельницький в контексті історії України»* / ред. кол.: Л. В. Баженов (гол.), Ю. І. Блажевич (співгол.), С. М. Єсюнін (відп. ред.). Хмельницький: ПП Мальник А. А., 2011. С. 261.
 26. ДАХМО. Ф. Р-6193. Оп. 12. Спр. П-15295. Арк. 50.
-